

The book cover features a vertical composition. The top half shows a dark blue sky with a bright, thin white streak representing a jet's contrail. Below this, the curved horizon of the Earth is visible, showing blue oceans and white clouds. The bottom half of the image shows a city skyline with several tall, modern skyscrapers in silhouette against a lighter, hazy sky. In the top right corner, there is a white circular badge with a black border containing the text '16+'.

16+

Виктор Усков

Аркан общемировых историй

Виктор Алексеевич Усков
Аркан общемировых историй

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57329913

SelfPub; 2020

Аннотация

Сборник из двадцати двух рассказов как о нашем мире, так и о параллельных, полных фантастики и фэнтези.

«Черно-белые дни, черно-белые сны»

Ты превращаешь сегодня в очередное вчера...

Amatory, «Черно-белые дни».

На одной из палуб парохода «В-15» задумчиво стоял молодой человек, чье имя по паспорту – Иоганн, фамилия – Миллер, а возраст – двадцать восемь лет. Иоганн не до конца был уверен, что это – его паспорт, хоть с главной страницы и смотрело на него же его лицо, но в какой-то момент это обстоятельство ему стало несколько безразлично.

Впрочем, как и практически все остальное.

«В-15» курсировал по затопленной планете Бог знает какой день. Что точно знал Иоганн, так это – два факта: случилась некая глобальная катастрофа, а все выжившие оказались на специально построенном для постапокалипсиса пароходе, и это было единственным местом, где они могли спастись. Все остальное, начиная с длины парохода, который казался бесконечным, и заканчивая общим количеством выживших, было уже не столь важно.

Дневное время суток Миллер спал в просторной каюте – вечером же он проходил в один из многочисленных ресторанов, легко ужинал, после чего шел играть в казино, предпочитая покер или блэкджек: правда, делал он это скорее автоматически и без особого удовольствия, как и другие присутствующие за игральным столом, потому что играли не на

деньги, ибо деньги как предмет попросту исчезли, а скорее чтобы убить время. Кто-то все время вопрошал по поводу высочайших горных хребтов, которые никак не могло затопить полностью, вот только никто не видел ни одной даже самой скромной горы относительно нынешнего уровня океана, и это искренне удивляло многих, но не Иоганна. Его сердце колотилось сильнее и быстрее, только когда мимо него проходила киноактриса по фамилии Лавпит – почему-то он помнил, что ему очень нравились фильмы с ее участием, а ее саму называл не иначе как «мисс Лавпит», считая себя недостойным того, чтобы сметь называть ее имя. Мисс Лавпит же, как это ни странно, проявляла интерес к Иоганну и каждый раз пыталась пробраться к нему в каюту, дабы помочь скоротать слишком длинную ночь, но Миллер все время прерывал разговор на корню, придумывая совсем уж нелепые отказы, и спешно покидал пространство, которое занимала актриса. Когда Иоганну надоело играть, он шел или в бар, где поглощал в огромных количествах коктейль «Белый русский», за что получил от барменов прозвище «Лебовски», или в кинозал, где просматривал очередной фильм с участием мисс Лавпит. Ближе к полуночи молодого человека вгоняли в скуку и эти занятия, и тогда он выходил на палубу, где мог стоять до рассвета, всматриваясь в черную воду, зловеще подсвечиваемую луной. Сначала ему казалось странным, что вода вокруг абсолютно чистая и пустая – не было ни выпрыгивающих рыб, ни чьих-либо плавающих вещей, ни пла-

стикового мусора, который, по сути, должен был подняться на поверхность и все вокруг загадить, но потом он переставал задаваться этим вопросом. Иногда сбрасывали за борт некоторых личностей, которых перед этим убивали, но что происходило с ними дальше, никому не было ведомо. Одно время какие-то малопонятные личности пытались докопаться и до Иоганна, но как только он обнажал якобы свой меч, который почему-то звался «Флитц», все недоброжелатели как один бледнели, теряли дар речи и отставали, больше не пытаясь предпринять ни единой попытки причинить вред Миллеру. Иоганн старался не расставаться с Флитцем, а потому меч был удобно закреплен, но на правом боку, что шло несколько вразрез с логикой.

Однажды, когда Миллер спал, ему в каюту постучали. Недовольно вскочив с кровати, он схватился за Флитц, спешно оделся и открыл дверь, чтобы пригрозить оружием мешающему спать, будь это даже мисс Лавпит. К своему удивлению, перед собой Иоганн увидел мелкого тучного мужчину, который явно столкнулся с чем-то из ряда вон выходящим, судя по тому, что он лишился дара речи и неуверенно показывал пальцем куда-то в сторону. Иоганн вышел на палубу и понял, что так поразило незнакомца – пароход проплывал мимо огромного айсберга, ослепляющего своей белоснежностью. Мужчина размахивал руками, что-то кричал, голосил, но Иоганн его не слышал, ибо почувствовал в этом айсберге нечто неладное. Еще раньше это почувствовал Флитц, ко-

торый будто ожил под влиянием айсберга и буквально требовал, чтобы Миллер за него схватился. Молодой человек поддался, резким движением вытащил меч, чем вызвал бурю криков у невольного собеседника, и встал в боевую стойку.

И вот тут Флитц будто взбесился. Он перестал подчиняться Иоганну и буквально рвался в сторону айсберга. Миллер сначала отчаянно сопротивлялся, но потом понял, что руки его не слушаются, а разум, судя по всему, захватил оживший меч. Флитц вырвался за пределы парохода, прихватив с собой Иоганна, и вдруг парень понял, что он летит над черной водой прямо к айсбергу. К тучному мужчине присоединилось еще несколько человек, которые подняли тревогу своими криками, но их заглушил Иоганн, из чьего горла раздалось что-то жуткое и нечленораздельное. Лезвие Флитца полностью пронзило тело айсберга, поразительным образом войдя в него, как нож в масло, и у Миллера сложилось ощущение, что внутри айсберга сидит некто и тянет Флитца на себя, не боясь пораниться. Не успел Иоганн осознать это, как вдруг понял, что его запястья уже находятся внутри айсберга, и он затягивает в себя его самого. Миллер попытался упереться ногами в ледяную гору, но неожиданно понял, что это – бесполезно, и позволил поглотить себя под вопли многочисленных зевак...

Что было дальше, Иоганн не помнил. Проснулся он в мягкой уютной постели. Соскочив с нее, молодой человек осмотрелся и понял, что находится в некоей светлой комна-

те, которая, судя по убранству, принадлежит женщине. Продолжением комнаты был балкон, почему-то зашторенный. Иоганн сдернул штору, вышел на балкон и увидел, что окружающий пейзаж представляет собой белоснежную пустыню, а рядом стоит заставленный чайными чашками столик, за которым спокойно пила чай та самая мисс Лавпит...

«До скорой встречи, баронесса...»

Regret creation that you made me

In the shape not complete...

(Сожалею, что создан тобой таким несовершенным...)

Moi dix Mois, «Deus ex machina»

Один из ярких кирпичных пятиэтажных домов Ровды уже с раннего утра праздновал вступление своей главной невесты в новый этап жизни под названием «замужняя женщина», хотя и это было не совсем так, ибо девушка, которую звали Мела, стала не кем-нибудь, а баронессой. Новоиспеченный муж, известный на весь город барон Завидов, поддался уговорам Мелы и вместо пышного торжества решил закатить пир в ее родном просторном дворе, не нарушая привычных традиций Ровды, тем более что ранняя теплая весна позволила устроить пир на улице. Все пространство было заставлено столами, которые, в свою очередь, были сами заставле-

ны таким количеством хорошей еды и напитков, что было сложно подсчитать. На свадьбу потянулись все соседи, друзья, знакомые, незнакомые, да даже те, кто просто хотел выпить и закусить, особо при этом не тратясь – в этот день за столы было позволено сесть абсолютно всем. Барон Завидов в принципе был человеком щедрым, но раздавал деньги исключительно на полезные и важные для города мероприятия, что повышало его репутацию в глазах многих граждан – исключением, наверное, стала разве что собственная свадьба, но тут ни у кого даже вопросов не возникало.

Среди веселящихся, кутящих и пьющих гостей появление известного кровира Ровды легко могло вызвать панику, но в городе слишком хорошо знали этого человека, чтобы понять – он сюда пришел явно не для совершения убийства. Не было среди поздравляющих ни откровенных садистов, являющихся головной болью для любого города, ни зарвавшихся толстосумов, неуловимо скачущих, как зайчики, ни – тем более – различных демоноидов. Сделать такой вывод было крайне просто, ибо тот, кого называли Вальтер, совершал заказы правительства Ровды быстро, аккуратно и без лишних следов – на то он и профессионал... И уж точно профессионал не стал бы стоять столбом, показывая себя всей округе: мол, вот он – я, ваш ночной кошмар!

Никто не знал, является ли Вальтер настоящим именем кровира – говорили, что это больше прозвище, ибо молодой человек совершал акты справедливости чаще всего с помо-

щью пищали этой марки. Вальтер выделялся телосложением а-ля шкаф для одежды и длинными, идеально прямыми черными волосами, которые при случае могли легко скрыть лицо – как сказали бы про похожего парня, бывшего главным героем не самого удачного фильма, который спродюсировали создатели «Матрицы»: «Не похож он на профессионального убийцу, скорее – на солиста поп-группы». Обычно он предпочитал одежду цвета хаки, но, видимо, вспомнил, что сегодня – праздник, и надел то, что, по его мнению, лучше всего подходило для этого дня. На Вальтере красовались короткая черная кожаная «косуха», наглухо застегнутая, и хлопчатобумажные мешковатые штаны, привлекающие не только своей белизной, но также аккуратными горизонтальными «дырами» по всей длине. Тонкая серебряная цепь, закрепленная с обеих сторон левого бедра и легко бьющая по колену, замечалась не сразу – «дыры» притягивали все внимание гостей. Довершали образ начищенные до блеска строгие туфли, подчеркивая всю нелепость, но в то же время странную целостность образа.

– Вальтер! Что стоишь, как столб? Проходи, садись! – окликнул его кто-то из гостей.

– Да не боимся мы тебя, что переживаешь-то? – раздался поддакивающий голос.

Вальтер никак не отреагировал – просто смотрел вперед, будто хотел кого-то увидеть.

Его заметила Мела.

Девушка, невысоко приподняв подол роскошного свадебного платья и чуть тряхнув темно-каштановыми волосами, чей блеск свел с ума не одного молодого человека, аккуратно шла к Вальтеру, стараясь не навернуться на высоких боножках. Наконец обратил на Вальтера внимание и барон Завидов – как всегда, в костюме с иголки, чисто выбрит, напомажен хорошим бальзамом после бритья... «А уж фамилия-то какая!» – каждый раз несколько иронично думал любитель оружия, что было родом из Тюргинии. Барон прекрасно знал Вальтера и врагом его не считал, а уж тем более – возможным убийцей, потому он чуть отрывисто кивнул. Вальтер кивнул в ответ, но менее заметно, и пока это было его единственным телодвижением, прерывающим эффект статуи.

– Вальтер! Не ожидала тебя увидеть... – искренне воскликнула Мела.

– Здравствуй, Мела, – произнес он чуть хриплым голосом. – Могу тебя поздравить?

– Можешь! Я вышла замуж! Вот сидим, гуляем... Даже группу практически одноименную позвали!

– Да я уж вижу... А в особенности – слышу, – и Мела услышала в высказывании Вальтера некую долю сарказма. Сам факт того, что группа «Она вышла замуж» вообще добилась хоть какого-то успеха в Ровде, поражал кровира невероятно. Все дело было в перкуссионисте группы – неизвестно, кому пришло в голову дать этому парню, известному по го-

ворящему прозвищу «Йож» (именно так, и не иначе), ударные инструменты, но он явно был из той категории людей, которые не могут удержать даже простейший ритм и все время бьют «мимо кассы». Уж на что Вальтер не считал себя ритмичным человеком, но и ему все эти скачки в «битс пер минут» были не совсем приятны. Ситуацию выправляли уже пьяные в стельку гости, стучащие посудой по столам куда более правильно, чем тот, кому положено это делать, и виртуозно играющий гитарист, не просто сидящий меж пьянствующего народа, но небрежно закинувший освобожденные от обуви и носков ноги на стол в стиле «мне все можно – вот вам ножны». Впрочем, больше людей привлекал идеальный педикюр гитариста, вызывающий реакцию в духе «Да ты не мужик, что ли?!?»». Один из подвыпивших обнял ногу гитариста, явно приняв ее за женскую благодаря ногтям, окрашенным в иссиня-черный цвет. Возмущенная реакция не заставила себя ждать – гитарист с размаху ударил пяткой домогающегося в челюсть, от чего тот отлетел на пару метров, плюхнувшись на землю. «Хороший удар...», – мысленно одобрил сие действие Вальтер.

– Хочешь – присаживайся за стол, – отвлекла Вальтера от наблюдения за участниками «Она вышла замуж» Мела.

– Извини, но я не за этим пришел, – честно признался Вальтер.

Мела чуть побледнела в лице.

– Ты здесь работаешь? – с опаской поинтересовалась она.

– Я думал, ты меня лучше знаешь, – чуть грустно улыбнулся Вальтер, намекнув Меле на их совместный короткий роман, который развился после случайного знакомства. Тогда кровир спас девушку от одного крайне приставучего ухажера, который стал угрожать ей дурацкой с точки зрения убийцы пиццалью «Берта», и в качестве благодарности Мела позвала спасителя к себе выпить кофе (о том, что этот самый ухажер – Скосий Бка – был очередным заданием, Вальтер говорить не стал). Роман закончился так же быстро, как и начался, и причина тому была крайне проста – Меле было страшно связывать свою жизнь с человеком, на которого точит зуб большое количество непорядочных личностей. Вальтер ее не осуждал, ибо прекрасно понимал, что не может дать ей того, что она желает.

– Подожди-ка... – лицо Мелы просветлело, вернув прежнюю окраску. – Ты как-то спрашивал, могу ли я тебе восстановить сердце?

– Именно поэтому я и здесь, – кивнул Вальтер. – Прости, что вламываюсь с такой просьбой в столь важный для тебя день, но до этого мне было некогда.

– Ты разбирался с кем-то неуловимым? – догадалась девушка.

– Неуловимых не бывает. Бывают лишь те, до кого я пока не добрался.

Мела чуть отвела взгляд в сторону.

– Ты не меняешься – столь же самоуверен, как и прямо-

линеен, – заметила она. – Что ж, я смогу его восстановить: сегодня сил у меня для этого хватит.

– Уверена?

– Абсолютно. Предупреждаю – может быть несколько неприятно.

– Ты уже готова? – удивился Вальтер.

– Не вижу смысла тянуть. Тем более что этот праздник не может быть полным без меня...

– Что я должен делать?

– Стоять.

– Сложнее действия не придумать...

Мела имела свой необычный секрет – ее мать была так называемой Чарующей, чьи способности, передавшиеся по наследству дочери, были заточены в основном на исцеление. Нынешняя Завидова, безусловно, владела и парой защитных заклинаний, но они были столь слабы, что тогда против Берты ничего не смогли бы сделать. Зато она тут же определила, что внутри сердца Вальтера отсутствует та самая часть, которая и превращает сердце не просто в насос, тупо качающий кровь, а в то, что раскрывает природу человека, делая его по-настоящему живым. Утеря этой части не то чтобы не мешала человеку, но легко могла превратить его в огромную фарфоровую куклу, которая существует, но не живет. И Вальтер удивился – вроде бы главный насос работает бесперебойно, а внутри него парадоксальным образом ничего нет, и ни один прибор не мог это показать. «Может, та часть у меня и была,

но ее каким-то образом вынули, чтобы не мешала работе», – логично подумал тогда Вальтер, но сама мысль о возвращении настоящего сердца не давала ему покоя.

Невеста прижала правую руку к своему сердцу, а левую – к сердечной мышце Вальтера, после чего произнесла:

– Будь же целым.

Внешне не происходило абсолютно ничего, но Вальтер ощущал, что через Мелу в него поступает странная энергия, которая грела и выжигала одновременно. В груди стало биться чаще, в глазах несколько потемнело – парень даже испугался, что может потерять сознание, ибо ноги подкашивались все сильнее. Мела же была абсолютно спокойна – просто терпеливо ждала, когда все закончится.

– Кажется, все прошло успешно, – в голосе Мелы не звучало усталости и вообще какой-либо потери сил. А вот Вальтер практически согнулся пополам, с большим трудом отдышался, после чего спросил:

– Ты мне точно СЕРДЦЕ восстановила?

– Безусловно.

– Странно. Такое ощущение, что мне в грудь кол вбивали...

И вот тут произошло то, чего Мела явно не ожидала. Вальтер, который и так был почти двухметровым шкафом, вырос еще на голову – впрочем, расширение коснулось и ширины плеч. Уши заострились, превратившись в отдаленное подобие волчьих, на лице и теле появилась странная темная

шерсть, а пальцы увеличились на одну фалангу и украсились черными когтями, да настолько отполированными, что педикюр гитариста «Она вышла замуж» не шел с ними ни в какое сравнение.

На это превращение обратили внимание почти все присутствующие. Многие охали, ахали, что-то кричали, но не разбегались – всем, судя по всему, было интересно посмотреть, чем все закончится.

– Так ты... Волколак? – спросила Мела, сделав несколько больших шагов назад.

Вальтер, осмотрев себя и поняв, что одежда теперь имеет дополнительное количество дыр, а выросшие ступни порвали туфли, издал неожиданно глухой рык, потом, переведя взгляд на Мелу, своим привычным голосом произнес:

– Бестия сидо!

А вот это заявление звучало куда серьезнее, потому народ вскочил из-за столов, разбегаясь в разные стороны.

Вальтер в два шага заметно сократил расстояние между ним и Мелой и попытался на нее напасть прыжком, но та воскликнула:

– Стынь!

На мгновение застыв в воздухе, парень медленно полетел к ногам нынешней жены барона и больно ударился о землю.

– Сработало... – неожиданно для самой себя воскликнула Мела.

К ней тут же подскочил муж:

– С тобой все в порядке?

– Да... Как и с Вальтером. Не переживай – он сейчас должен прийти в себя. Поднимите его! Посадите, дайте воды...

– А он ни на кого больше не нападет? – раздался голос в толпе.

– Не должен. Как я и говорила – неприятная реакция. Бывает.

– Ничего себе неприятная...

На помощь Вальтеру подоспели вокалист «Она вышла замуж» Тимитра Таволгин и свидетель со стороны жениха Григорий Лаписов – с трудом подняв его, посадили за стол. Вальтер уперся в стол локтями, схватившись за голову, буквально опрокинул в себя литр воды, после чего произнес:

– Извини, Мела. Я только когда ударился о землю, понял, что произошло.

– Не совсем уверена, что ты понял, – спокойно сказала Мела.

Наконец прекратил издавать непонятный ритм перкуссионист. Вальтер недовольно поднял голову, нашел взглядом «Йожа», выделявшегося длинными, торчащими в разные стороны волосами, указал на него когтем и громко рыкнул:

– Ты – следующий!

Йож подскочил на стуле, вскрикнув что-то непонятное, после чего, с опаской поглядывая на Вальтера, стал неожиданно для всех отбивать ровный ритм на своем барабане,

чем-то похожим на винный кубок.

Это было знаком того, что все наладилось.

– О, нормальная пошла! – крикнул кто-то из гостей, потирая руки и наливая очередные пятьдесят грамм. Все участники группы, восхитившись «исправленным» перкуSSIONИстом, стали играть еще веселее, и Тимитра громким голосом пел строки одной из самых популярных песен группы «Жизнь и свобода»:

*Устал я звереть от скупых новостей –
Веселый мой друг, сто грамм мне налей,
Больше не страшно душе за других:
Долго был психом, теперь – тоже псих!*

– А я тогда, стесняюсь спросить, кто? – задал риторический вопрос Вальтер, смотря, как бурно реагирует народ на песню.

– Тебе самому нужно ответить на этот вопрос, – пояснила Мела.

– Зря ты мне рассказала о восстановлении сердца, – вздохнул профессиональный убийца, и в его глазах была видна растерянность.

– Похоже, ты изменился только внешне, но не внутренне, – сделала вывод девушка. – Это важнее. Со временем привыкнешь к своей настоящей внешности... К тому же она даст тебе больше плюсов. Например, сможешь внедряться к

демоноидам.

– Свой среди чужих, чужой среди своих? – усмехнулся Вальтер, и усмешка получилась действительно животной.

– А разве до этого было по-другому?

Вальтер осекся, неожиданно поняв, что Мела права.

– Зверь в человеческой шкуре... Видимо, кровир и должен быть таким.

– Ты стал больше животным, но станешь ли ты зверем – зависит от тебя, – пожала плечами Завидова.

– А ты считала меня зверем?

– Никогда.

– Серьезно?

– Абсолютно.

– Странно, ведь на моих руках застыло много крови...

– Но если бы ты вовремя не вмешивался, продолжила бы течь кровь ни в чем не повинных людей, и вряд ли она смогла бы застыть. Мне кажется, в таком случае ты бы просто не смог спать по ночам.

– Ты слишком добра к убийце.

– Этот убийца меня когда-то спас. Не забывай об этом.

– Сказала та, которую я только что чуть не убил...

– Ты бы не смог.

– Это почему?

– Превращение отняло у тебя большое количество сил, так что я спокойно смогла тебя остановить.

– Вот оно что... – протянул Вальтер, с радостью подумав:

«Ты стала куда сильнее, Мела. Не знаю как насчет Берты, но обычного любителя помахать кулаками точно отвадишь... Да и есть ныне кому защищать тебя».

Красавица проводила чудовище до соседнего двора.

– Мне пора. У меня дел теперь много, – сказал Вальтер. – Надо себя привести в порядок, купить новую одежду, начальству показаться, чтобы не испугалось...

– Не беспокойся – я попросила Кирилла помочь тебе со всеми проблемами.

– Так его Кирилл зовут?

– А ты не знал?

– Не обращал внимания – все по фамилии привык звать. Божественный, видимо, знак всем нам, – улыбнулся парень, посмотрев в небо.

– Ты про что?

– Поймешь из учебника истории... Хотя про такое наверняка не пишут.

Мела приобняла Вальтера.

– Вряд ли мы когда-нибудь встретимся лишь вдвоем, волчонок, – сказала она.

– Я никогда не прощаюсь, баронесса, – ответил на это Вальтер и уверенно зашагал куда-то вдаль.

Мела долго смотрела ему вслед, пока к ней не подошел Кирилл:

– Все нормально?

– Да, конечно, – закивала она.

Барон обнял жену, посмотрел в сторону и произнес:

– Такие, как он, найдут способ выйти из любой передряги.

Уверен, что мы еще с ним увидимся... Главное, чтоб при хороших обстоятельствах.

«И голос ее – виски»

...И нашел я, что горче смерти женищина, потому что она – сеть, и сердце ее – силки, руки ее – оковы; добрый пред Богом спасется от нее, а грешник уловлен будет ею.

Книга Екклесиаста, ст. 7:26.

В питейное заведение «Старкойот», которое гордо называлось «территорией развлекательно-культурной» и никак иначе, зашел молодой человек, привлекающий к себе внимание двумя деталями: выкрашенными во все цвета радуги длинными волосами и кожаным, сияющим своей чернотой плащом, скрывавшим тело от шеи до самых пят. Человек уверенным шагом прошел к пустовавшей барной стойке, придвинул к себе стул и присел на самый край. Бармен узнал молодого человека, кратко обратившись к нему:

– Здравствуй, Харя.

Харитон – а именно так звали парня – очень не любил, когда его сокращенно называли «Харя», но ничего поделать

с кличкой, данной молвой, не мог, потому старался не обращаться на нее лишнего внимания, вместо этого громко произнес:

– Вильям Лоусон. Пятьдесят.

– Бюджетные напитки не держим, – с некоторой долей презрения произнес бармен.

– Пфф... Тогда Бэллантайнс.

– Закончился.

– А что осталось? – в голосе Харитона стало отчетливо звучать раздражение.

– Джеймсон.

– Давай Джеймсон.

Бармен потянулся к бутылке. Харитон достал из кармана плаща кошелек, вытащил банкноту и небрежно кинул ее на стойку. Бармен взглянул на банкноту и, не сбавляя градус презрения, произнес:

– Сдачи нет.

– Тогда наливай на все, – махнул рукой Харитон.

Светло-коричневая жидкость заполнила практически весь стакан. Харитон аккуратно его взял, жестом поблагодарил бармена, сделал глоток «живой воды», после чего окинул взглядом «Старкойот», громко про себя выругавшись.

Вечер для посещения был явно неудачный.

В одном углу заведения одиноко сидела Хелена. Она не изменяла своему стилю – длинные черные волосы свисали так, что были похожи на лезвия ножей, офисный костюм вы-

делялся острыми углами плеч и локтей, шпильки дорогуших лодочек готовы были проткнуть ногу кому угодно... Хелена и сама отличалась какой-то холодной, даже мрачной угловатостью – может, именно поэтому и отталкивала людей от себя. Компанию ей составляли разве что очередной стакан вишневого пива (и это – после красного вина и рюмки водки) и валяющаяся на столе открытая пачка сигарет, от которой, вопреки известной песне, день лучше явно не стал.

В другом углу «Старкойота» все было совершенно по-другому – за одним столом с Кассандрой сидела группа мужчин, которые уже были под хорошим градусом, как, впрочем, и сама Кассандра, допившаяся до такой степени, что позволяла себе курить прямо в помещении, а не на улице. Женщина поправляла изящными жестами кудри, хохотала, поднимала бокал с чем-то, имеющим ядовито-зеленый цвет (скорее всего, это был какой-нибудь коктейль), острила не хуже собравшихся вокруг поклонников, блистала перед мужчинами своим новым платьем, украшенным рюшечками и цветочками – в общем, казалась намного приветливее, чем сидящая напротив Хелена.

Они ненавидели друг друга, хотя были крайне похожи, особенно в одном – обе относились к Харитону с презрением, граничащим, опять же, с ненавистью. И тот это знал, хотя и не понимал, когда началась эта эпоха взаимной ненависти – впрочем, ему это было уже не важно.

Он не подошел ни к одной, ни к другой – Хелена бы ему

сказала: «Пошел прочь», а Кассандра и вовсе обошлась бы одним уничтожающим взглядом. Просто поднялся и прошел к одному из свободных столиков – не хотелось ему сидеть за барной стойкой, глядя на бармена, который тоже его почему-то, да невзлюбил.

Но сесть ему не получилось – стул под ним благополучно развалился, и Харитон плюхнулся на пол, пролив на себя некоторый объем виски.

Кто-то из поклонников Кассандры громко захохотал, увидев сию картину.

– Так тебе и надо, холоп! – торжествующе воскликнул другой умник, и Кассандра его поддержала своим девичьим хохотом.

Чертыхаясь, Харитон поднялся с пола, поставил стакан на стол и попробовал сесть на другой стул. Тот тоже не выдержал вес парня, со стуком лишившись части одной из ножек. «Старкойот» взорвался еще одним приступом хохота.

Плюнув и справедливо решив, что третью попытку предпринимать не стоит, Харитон вернулся к барной стойке. И тут он не поверил собственным глазам – разваленные на части стулья непонятно как, но стали целыми.

Повернувшись к бармену, Харитон сказал:

– Плесни мне еще.

– Да у тебя и так полный! – возразил тот.

Парень всмотрелся в стакан и удивился еще больше, ибо тот объем, который Харитон пролил на пол, каким-то обра-

зом вернулся.

– А ты мне наливал?

– Нет.

– А то, что случилось со стульями, видел?

– С какими стульями? – удивился бармен. – Харя, у тебя уже белая горячка разыгралась, что ли?

– Может быть, – не стал отрицать Харитон, поняв, что этого, кроме него, никто из присутствующих не видел, хотя над эффектным падением смеялись многие.

От мыслей парня отвлек местный конференсье, который вышел на импровизированную сцену и объявил, что сейчас выйдет на сцену новая, «молодая и подающая надежды» певица со странным именем Твения.

Харитон заметил, что Хелена и Кассандра напряглись.

К микрофону вышла девушка в ярком цветочном платье с изящным разрезом до бедра – завидев его, присутствующие мужчины тут же подали одобрительные голоса. Рыжеватые волосы были сложены в сложную прическу, которую поддерживали множество гребней и цветочных заколок. Твения была настолько красива, что, казалось, почти не пользовалась косметикой.

– Добрый вечер, – мягко произнесла она, поразив присутствующих не только красотой, но и голосом.

Хелена и Кассандра, не сговариваясь, закрипели зубами.

– В начале своего выступления я исполню французский вариант знаменитой испанской песни о любви – думаю, мно-

гие из вас ее знают и любят. Итак, «Ле истуа де ун амур».

«Надо же, какой великолепный выбор», – одобрил Харитон, любящий все вариации этой ставшей классической песни.

Твения начала петь, и Харитон внезапно понял, что вокруг начало происходить что-то неладное – стрелки настенных часов стали бешено плясать из стороны в сторону, стаканы нервно подпрыгивали, а бутылки за спиной бармена принялись меняться местами, будто кто-то невидимый использовал их в качестве инвентаря для игры в наперстки. «Вроде выпил-то чуть-чуть, а так колбасит», – подумал парень, на всякий случай держась рукой за барную стойку, чтобы не упасть.

Твения перешла к припеву:

– C'est l'histoire d'un amour, un amour femme fatale...

«Мало того, что не согласованы слова меж собой, так еще и совершенно иные», – возмутился про себя Харитон, осматривая зрителей, которые восприняли искажение песни спокойнее, чем ожидалось. Такая реакция не слишком удивляла – музыкальная образованность людей в большинстве своем упала до такой степени, что для них великими песнями становились опусы в жанрах шансон и трэп, но Харитона поразило отсутствие восклицаний из уст куда более образованных Хелены и Кассандры: уж кто-кто, а они бы не стали мол-

чать да выкрикнули свои замечания, причем не дожидаясь конца песни...

Оставался только один вывод – это слышал только Харитон. И когда он после этой прозвучавшей строчки глотнул виски и внимательно взглянул на Твению, то понял, кто был источником всех странностей, которые творились в течение вечера.

Этим источником была именно певица, и она, судя по всему, не была человеком – более того, поняла, что Харитон ее раскрыл. Парень хоть и не был опытным экстрасенсом, но внутреннее похолодание в районе кистей рук никогда не обманывало...

Твения закончила исполнять песню, и «Старкойот» разорвался громом аплодисментов. Пара мужчин, окружающих Кассандру, бросились к певице, чем вызвали вопль возмущения женщины. Хелена заметно усмехнулась, глядя на провал соперницы.

Но Твения удивила всех. Она вышла со сцены, проигнорировала комплименты слушателей и прошла к барной стойке, заняв место рядом с Харитоном.

– Что желаете выпить? – приподнял бровь бармен.

– То же, что и он, – сказала Твения, указав на Харитона.

Бармен налил «Джеймсон», поставил перед Твенией и зачем-то отошел к дальнему краю своего рабочего места, будто не хотел видеть и слышать того, что произойдет дальше.

– Значит, слухи о тебе не врал, Харитон, – обратилась к

парню певица, коснувшись губами алкоголя.

– Это не столь важно, – отмахнулся Харитон. – Ты – действительно НЕ человек?

– Смотря какой смысл ты вкладываешь в это понятие...

– Тебе решать.

Твения глотнула виски, посмотрела на Хелену и Кассандру, после чего сказала:

– Они недостойны тебя.

– Не наоборот ли? – удивился Харитон.

– Странно, что ты так думаешь, если учесть, что они с тобой сделали...

Харитон на пару мгновений замолчал – услышанное явно его поразило до глубины души. Собравшись с духом, он совсем тихо спросил:

– Ты увидела?

– Конечно. Это не так уж сложно.

– Ясно... – вздохнул парень.

– Скрывать подобное долго не получится, а жить с этим крайне опасно.

– Я попытаюсь.

Твения накрыла руку Харитона своей ладонью:

– Я хочу помочь.

– Сомневаюсь, что просто так, – возразил Харитон.

– А ты не сомневайся. Лучше взвесь все «за» и «против».

– Мне кажется, нам стоит продолжить беседу позже...

– Ты про идущих ко мне Хелену и Кассандру?

– К тебе?

– Ты пока пей. Бармен!

Подавальщик алкоголя тут же вырос перед Твенией. Та протянула руку к своему декольте, вытащила из выреза странную черную монету, положила ее на стойку, накрыла рукой и придвинула бармену:

– Налей ему еще.

– Но я не... – собирался возразить Харитон, но ему стало понятно, что это – бесполезно.

Бармен хохотнул, принял монету, после чего плеснул в неполный стакан Харитона совсем другой светло-коричневый напиток.

– Джеймсон? – поинтересовался Харитон.

– Фернет, – сказал бармен.

– Фернет? У вас тут и такое есть?

– Не знаю, про что ты, но есть виски, который так и называется – «Фернет».

– Никогда о таком не слышал...

– Правильно – он не для тех, кто глушит «Вильям Лусон».

– Да иди ты, – выругался Харитон и глотнул из стакана.

Твения же отвела Хелену и Кассандру в сторону. Первой накинулась на певицу Хелена:

– Ну и какого черта ты к нему лезешь?

– Странно слышать это от тебя – ты же его презираешь, – фыркнула Твения.

– Мы имеем право его презирать, – возразила Кассандра.

– Это вы таким образом самоутверждаетесь? Нашли того, кто для вас является урной для мусора?

– А ты будто сделаешь из этой урны вазу с цветами, – язвительно хохотнула Хелена.

– Нет, – покачала головой Твения, улыбнувшись. – Но я ограничусь тем, что буду кидаться в нее лишь смятой бумагой, а не объедками и плевками.

– Харя не согласится, – довольно заметила Кассандра.

– А вы в этом уверены? Тогда позвольте вам кое-что показать... – и Твения окликнула Харитона: – Харитон, ты допил?

– Допиваю, – ответил парень.

– Давай быстрее, – велела девушка.

– Хорошо...

– Залпом давай! Не будем тянуть...

Харитон послушался девушку – в три глотка осушил стакан и громко поставил его на стойку.

– Подойди к сцене, – сказала Твения, вернувшись к микрофону.

Парень встал и медленно подошел, ибо количество выпитого алкоголя уже ударило по организму.

Твения окинула Харитона взглядом сверху вниз, после чего громко объявила:

– А теперь я покажу, что от всех скрывает этот парень!

Дальше Харитон не сразу понял, что произошло – Твения

коснулась ногтем указательного пальца воротника плаща и резким движением чиркнула им вниз до живота. Плащ слез вниз, завершив свое «падение» где-то в районе локтей – не в последнюю очередь потому, что Харитон вовремя выставил локти так, чтобы плащ удержался. И повод для опаски у парня был, ибо Твенция показала, что под плащом у Харитона ничего не было – по крайней мере, верхняя часть туловища была оголена, за что его в принципе можно было прозвать эксгибиционистом. Поразило всех присутствующих совершенно иное обстоятельство.

Прямо посреди груди Харитона зияла заметная, аккуратная и вгоняющая случайных зрителей в обморок дыра.

Народ вскочил со стульев. Хелена и Кассандра, не сговариваясь, ахнули. Бармен выронил из рук стакан, который с заметным «Дзынь!» разбился, стукнувшись о пол.

Отмер один из мужчин, окружающих Кассандру:

– Как это вообще возможно? Ты же не можешь жить с таким ранением! И почему у тебя не течет кровь... И... У тебя же позвонки отсутствуют! Как ты... Как ты пьешь-то?

– Это все, что тебя интересует? – удивился Харитон. – А не интересует, КТО мне нанес такое повреждение?

– Быть того не может... – ахнула Хелена.

– Может, Хелена, может. Ты и Кассандра медленно разъедали меня своим равнодушием, перешедшим в презрение. Вот чего вы добились... И да – тут прозвучало хорошее замечание, что я не могу жить с такой дырой. А кто сказал, что

я живу? Я существую, а это – две совершенно разные вещи...

– И сможете ли вы ему залечить эту рану, которую сами и нанесли? Я думаю, нет... – заявила Твеня.

Тут отмер кто-то из подвыпивших мужиков, воскликнув:

– Да вы серьезно все ведетесь на такой дешевый прикол?

– Прикол, говоришь? – усмехнулась Твеня, после чего просунула руку сквозь грудь Харитона, показав, что определенная часть тела парня и вправду отсутствует. Скептик, увидев это, бухнулся на стул и пораженно произнес:

– Вот черт...

– Но сейчас на ваших глазах я верну ему то, чего он лишился, – сказала Твеня, провела изнутри дыры рукой, после чего вытащила ее из тела Харитона и щелкнула пальцами.

– Будто какое-то магическое представление... – раздалось среди зрителей.

И параллель была уместной, ибо Харитон почувствовал, что отсутствовавшие позвонки вырастают из существующих и медленно соединяются между собой, возвращая позвоночник в прежнее состояние. Парень сжал зубы, ибо было неприятно, но почему-то терпимо – когда он взглянул на Твению, то та указала пальцем на барную стойку, и Харитон понял, для чего певица угостила его неизвестным видом виски. Народ снова ахнул, когда вслед за костями начала восстанавливаться плоть – мясо, в отличие от костной ткани, нарастало с куда большей скоростью. Несмотря на то, что

дыра находилась в середине груди, внутренние органы были практически не задеты, что, судя по всему, заметно облегчало процесс регенерации. Еще быстрее все прошло с кожей – та покрыла плоть буквально за пару мгновений, причем с обеих сторон.

Харитон прерывисто вдохнул воздух в грудь.

– Все ли нормально? – спросила Твеня.

– Вроде бы... – ответил он, как понял, что встал на одно колено, а костяшки пальцев правой руки упираются в пол.

– Что за... – начал бармен.

– Харитон, не соглашайся ни на что! – воскликнула Кассандра.

– Он уже согласился, – усмехнулась Твеня, затем посмотрела на Харитона и сказала: – Теперь ты принадлежишь мне как слуга, который должен будет исполнить любую мою волю. Ты меня понял?

– Как прикажешь, – кивнул Харитон, однако Твеня оказалась недовольна ответом:

– Попробуй еще раз.

– Как прикажете... – произнес парень, прокашлявшись.

– Не совсем верно, но пока простительно, – вновь не одобрила Твеня.

В горле Харитона пересохло, но он смог преодолеть царапающее чувство и глухо произнес:

– Как прикажете, госпожа Твеня.

– Молодец, – искренне улыбнулась Твеня и протянула

руку Харитону. Когда тот за нее взялся, в «Старкойоте» погас свет.

Бармен спешно побежал разбираться с щитком и искать запасной генератор. Поклонники Кассандры включили фонарики на телефонах:

– Где Харитон?

– Где Твения?

– Не вижу их!

– Что, уже сбежали?

– Ага, сбежали! Так тихо, что ли? Мы б услышали!

Бесполезные крики раздавались еще пару минут, и свет наконец-таки включился.

В одном кричащие оказались правы – Харитон и Твения исчезли, но как, никто толком не понял.

Хелена, допив вишневое пиво, со злостью посмотрела на Кассандру и прошипела:

– Это ты виновата...

– Неужели я? На себя бы посмотрела, тварь! – огрызнулась Кассандра.

– Что-о-о?!?

– Девочки, давайте не будем...

Было поздно – Хелена и Кассандра вцепились друг другу в волосы, а все остальные пытались их разнять.

Сбылась одна из грез Харитона – только жаль, что он этого не увидел.

«Вне времени и тела»

Oboete imasu ka – me to me ga atta toki wo?

Oboete imasu ka – te to te ga fureatta toki?

(Ты помнишь, как встретились наши глаза?)

Ты помнишь, как соприкоснулись наши руки?)

Мари Иидзима, «Do you Remember Love?»

Кирпичный дворец Ровды, известный под названием «Тéгила» и украшенный заметной скульптурой, изображающей осла, застал немало культурных событий города, но такие массовые и громкие вечера, как презентация нового сборника стихотворений известного поэта Валентина Брайтсона, были редкостью и для него. В главном зале дворца было яблоку негде упасть – все зрители дружно расселись вокруг небольшой импровизированной сцены, стоящей прямо посреди комнаты. Сцена была оборудована по минимуму – на ней находились звуковой монитор, небольшой столик на ножках, чтобы было куда поставить чашку чая, и пустовавшая микрофонная стойка, ибо микрофон находился в руках Валентина уже полтора часа.

Про Валентина Брайтсона, поэта, который появился в литературной среде буквально из ниоткуда и за каких-то два года обрел невероятную популярность, складывалось множество легенд, и надо сказать, что сам поэт каждый раз давал

повод сочинять про себя что-то невероятное. Его биография была противоречива вплоть до возраста: кто-то говорил, что ему – двадцать восемь лет, кто-то – что тридцать, а кто-то – что тридцать два. В одном интервью он гордился тем, что пять лет провел на военной службе, но в другом говорил, что на военную службу его не взяли из-за проблем со здоровьем, что вызывало искреннюю ухмылку почти у каждого, кто хоть раз его, да видел. Кто-то слышал, что свою поэтическую карьеру он начал еще в тринадцать лет, но под другим именем, кто-то говорил, что Валентин долгое время просто стеснялся публиковать свои произведения, а кто-то с пеной у рта утверждал, что видел будущего поэта, когда ему было три года, и он уже тогда научился мелодично складывать слова (вот этому, естественно, не верил никто). ореол таинственности окружал Брайтсона на редкость туманный, но одно обстоятельство являлось чистой правдой – Валентин был действительно талантливым поэтом.

Его выступление уже подходило к концу. Читал он громко, выразительно, при этом не заглядывая в листы бумаги – он каждое свое стихотворение (а их было много) помнил наизусть, что приводило в искренний восторг не только простых слушателей, но и именитых литераторов. Никогда не было такого, чтобы он что-то забыл, в его речи не звучало различных «э-э-э», «бе-е-е», «м-м-м» и прочих паразитов, а его чувство такта и воспитанность лишь довершали идеальный портрет идеального поэта.

Валентин в своем творчестве сделал ставку на более короткие по длине стихотворения, чем привыкли писать в Роуде и округе, и не прогадал. Он постоянно экспериментировал, причем эксперименты начались с переложения восточного жанра «рэнга» на русский лад, в котором поэт заметно преуспел. Новый же сборник состоял из «суточных» стихотворений – так они были названы автором потому, что состояли из двадцати четырех строчек. На вопрос, почему была выбрана именно эта длина, Брайтсон заявил, что в последнее время он сочиняет в лучшем случае строчку в час – соответственно, за день получается стихотворение в двадцать четыре строки. Естественно, никто этому ответу не поверил, ибо Валентин был куда работоспособнее, чем сам говорил о себе.

– Дорогие друзья! – обратился поставленным, чистым голосом к слушателям Брайтсон после того, как очередной шквал аплодисментов стих. – Как мне ни прискорбно сообщать вам эту новость, но наш – подчеркиваю, именно наш, а не только мой – вечер подошел к концу... Но я никак не могу вас отпустить с чувством некоей неудовлетворенности, – в зале в этот момент пробежал смех, – и потому я прочитаю стихотворение, которое написано сегодня утром... И вы будете первыми, кто его услышит!

Раздался всплеск аплодисментов.

– Прошу абсолютной тишины... – поднял руку Валентин. Когда все стихло, он изящным жестом поправил воротник

пиджака, придвинул к себе шнур микрофона и стал декламировать:

*Вокруг, быть может, и пустыня,
Вокруг, быть может, пустота,
Но я без боя не застыну:
Сильней кота, да и кита.
Нет, не обижу я животных!
Их отличать бы от зверей
Нам нужно, если это можно...
Хозяин, пива мне налей!
Я кружку поднимаю эля
За всех вокруг... И за себя.
А если кто опять посмеет
Внести раздоры, всех рубя,
Остановлю... Но рифмой-строчкой.
О слово тупится кинжал.
И ради Ровды, Руси дочки,
Готов принять не свой финал!
Кто сочинитель, тот бессмертен.
Читайте наши опуса,
И мы расплачемся – поверьте...
И просветлеют небеса.
Не поздно сим заняться делом.
Страшнее – просто не начать.
Поэт вне времени и тела*

Продолжит для людей писать.

Раздались завершающие, громогласные аплодисменты.

– Большое вам спасибо, дорогие и преданные слушатели и зрители! Этот вечер сделали именно вы! – произнес Валентин на прощание, после чего совершенно в подростковом духе прыгнул со сцены в зал.

Зрители сорвались с мест, дабы успеть хотя бы парой слов перекинуться с почитаемым поэтом.

Валентин не торопился – он отвечал на вопросы, раздавал автографы, подписывал книги, позволял сфотографироваться на память. С двумя пришедшими гостями он общался дольше, чем с другими: это были вокалист группы «Она вышла замуж» Тимитра Таволгин и барон Кирилл Завидов – человек, который помог в организации сего концерта. В этих разговорах не было ничего серьезного – скорее они были таким приятным дополнением к вечеру.

Поэт уже пробирался к выходу из зала, как обратил внимание на девушку в белоснежной парадной военной форме, представлявшей собой жакет и юбку-карандаш до колена. По всей длине левого рукава шли узкие канты синего и красного цветов, а правого – синего и черного. Кроме того, жакет был «украшен» нашивкой – желтым соловьем – и буквами «МДМ», блестящими золотом чуть ниже груди.

– Вам очень идет эта форма, – улыбнулся Валентин.

– Приму это за комплимент, хотя я все-таки в первую оче-

редь военный человек, а уже потом – женщина, – отбрила поэта девушка.

Брайтсон нисколько не обиделся – лишь хохотнул в ответ:

– Очень рад, что меня посещают и военные. Могу я узнать Ваше имя, прекрасная представительница нашей великой и могучей армии?

– Анфиса Толбухина, – представилась собеседница, поправив свои роскошные русые волосы, не по-уставному распущенные.

Валентин изменился в лице:

– Так Вы – родственница старшего десятитысячника Павла Толбухина?

– Если быть точнее – дочь, – пояснила Анфиса.

– Похоже, Вы столь же талантливы, как и Ваш отец... В столь юном возрасте стать младших дружин материнной – это большое достижение.

– Вы действительно мне льстите или издеваетесь? – приподняла бровь Толбухина.

– Я никогда ни над кем не издеваюсь, – улыбнулся Валентин еще шире. – Как Вам вечер?

– К сожалению, долг не позволял мне посетить Ваши прошлые концерты, хоть я и Ваша поклонница... Но наконец-то я смогла исправить этот пробел. Скажу кратко – я довольна.

– Я старался, – кивнул Валентин. – С удовольствием бы поговорил с Вами еще, но мне пора бежать... Есть одно незавершенное семейное дело.

– Еще один парень убегает от меня, – фыркнула Анфиса.

– Обстоятельства, к сожалению, складываются сегодня не в мою пользу, – произнес на прощание поэт, после чего нырнул в толпу ждущих его людей, ибо на каждый концерт он приходил со свитой различных помощников.

– Говоришь, семейное дело? Но у тебя же формально нет семьи... – задумалась Анфиса, глядя в спину Валентину. – Что же ты скрываешь от всех?

Валентин жил буквально в двух кварталах от Тегилы, поэтому вместе со свитой добирался до дома – типичной пятиэтажной кирпичной постройки – пешком. Всю дорогу он непривычно молчал, и окружающие его помощники прекрасно знали, что ожидает этим вечером их начальника, но ничего не могли сделать – Брайтсон был непреклонен в своих решениях.

Остановившись возле двора своего дома, поэт осмотрел свою свиту, нашел глазами невысокую девушку с множеством косичек и спросил ее:

– Ты поставила защитный пузырь?

– Так точно. Но учтите, что его работы хватит максимум на полчаса.

– Я справлюсь куда за меньшее время. Спасибо, Лиса, – поблагодарил парень.

Один из представителей свиты протянул Валентину что-то очень длинное и узкое, завернутое в ткань и связанное

легким узлом. Брайтсон потянул за узел, и ткань обнажила спрятанную в ножны анта́гу – восточный обоюдоострый меч.

– Уроки фехтования помните?

– Думаю, что не забыл, – ответил поэт, схватив оружие. –

Жители эвакуированы?

– Весь ближайший квартал, – раздался ответ.

– Отлично. Никто, кроме меня, не должен пострадать сегодня вечером.

– Почему именно Вы туда лезете? – удивилась Лиса. – Необязательно быть в этом случае настолько честным...

– Есть вещи, которые мужчина должен сделать сам и только сам, – возразил Валентин. – Эта вещь – одна из них.

– Да благословит Вас Бог! – воскликнула вся свита, перекрестив Валентина.

– Да поможет мне Бог, – перекрестился и сам Валентин, после чего прошел через защитный, невидимый человеческому глазу пузырь в родной двор. Парень медленно прошел к его условной середине, обнажил меч, бросив ножны рядом, после чего воскликнул:

– Я знаю, что ты уже здесь! Выходи – я готов!

– Как скажешь... – раздался измененный странными по-
мехами голос, и Валентин обернулся.

Перед ним встал некто, практически полностью одетый в доспехи – исключением стал черный, совсем не боевой шлем, который явно от ударов холодным оружием никак не защищал, но зато скрывал лицо благодаря непрозрачному

стеклянному забралу. Оружием воина ожидаемо была антага.

Валентин разочарованно спросил:

– Ты ведь не Кадурин, так ведь?

Ответа не последовало.

– Так я и знал – он не способен явиться на дуэль, прислал вместо себя наемника...

– Я предпочитаю, чтобы меня называли кровиром, – возразил наемник.

– Да мне плевать, – заявил Валентин, направив меч острием в сторону противника. – Пора закончить эту дуэль.

«Воин», поняв, что формальности наконец-то закончились, напал на Брайтсона первым. Тот не выдержал первого удара и свалился на землю, но быстро встал на ноги.

Началась ожесточенная схватка.

В которой Валентин проигрывал, ибо невооруженным глазом чувствовалось, что поэт, может, и уверенно владеет пером, но никак не холодным оружием. Противник одерживал верх так, будто вообще не напрягался.

– И это – человек, якобы прошедший воинскую службу! Да ты даже держать антагу нормально не можешь! – кричал наемник. – Мне жаль поднимать руку на такое немогущее существо!

– Предпочитаешь сражаться с равными по уровню противниками? – неожиданно раздался голос Анфисы.

– Что за... – удивился Валентин, повернув голову в сто-

рону. Удивление было оправданным, ибо Анфиса каким-то образом, но преодолела защитный пузырь.

– Ты что, за собой хвост притащил? – спросил «воин». – Обвиняешь того, кто меня нанял, во лжи и подлости, но сам ничем не лучше!

– Как младших дружин материна города Ровда, я имею право требовать не только открытия защитного пузыря, но и раскрытия личности любого дуэлянта! – воскликнула Толбухина.

– Кем бы ты ни была, ты пришла с ним... И раз уж мы заговорили о правах, то я без всяких на то последствий убиваю каждого, кто вмешивается в дуэль, – возразил армированный воин, пригрозив катаной девушке.

– На безоружных это правило не действует...

– Действует, если безоружный – представитель армии!

– Прекратите! – вмешался Валентин, бросив антагу к ногам неприятеля. – Я сдаюсь. Никто не должен пострадать, кроме меня.

Воин истерично захохотал:

– Какая честность, смешанная с подростковой наивностью! Ты серьезно, Валентин? Никогда б не поверил, что тебя можно так легко обвести вокруг пальца!

– А теперь, когда дуэль формально закончена, снимай шлем, – велела Анфиса.

– Да пожалуйста, – пожал плечами кровир, вернув антагу в ножны, и освободил свою голову.

Перед глазами Валентина и Анфисы предстал лысый и совершенно бледный человек, чье лицо никак не выдавало истинный возраст. Валентин ахнул – он знал этого кровира, и прозвище его было, как ни странно, Бледный.

– Не ожидал, что ты на это подпишешься, – честно признался поэт.

– Думал, если один раз спас тебе жизнь, то мы с тех пор – в хороших отношениях? Твоя наивность меня просто поражает, – усмехнулся Бледный – его настоящий голос звучал намного чище. – К сожалению, ты не учел еще одного фактора... Я здесь не один.

– Что?

Внезапно правую лодыжку поэта сковало резким приступом боли. Валентин дико взвыл, чуть заваливаясь в сторону, после чего опустил взгляд и понял – в него кто-то стрелял, и пуля прошла насквозь, вот только было серьезное «но»: кровь не шла, будто в теле ее и вовсе не было.

– Обалдеть! – вскрикнул Бледный. – Так ты, похоже, не совсем человек! Вот Кадурын-то обрадуется сей новости!

– Кто стрелял? – спросил Валентин.

– Я не видела! Он не мог уйти далеко, я сейчас! – и Анфиса побежала туда, откуда, по ее мнению, мог раздаться выстрел.

– Анфиса, не вмешивайся! – вскрикнул Брайтсон, повернувшись в сторону.

И это стало его главной ошибкой.

Бледный молниеносно преодолел расстояние, отделяющее его от противника, и одним движением обнаженной антаги располовинил тело Валентина по диагонали.

Анфиса остановилась на мгновение, затем вновь побежала, но уже к поэту. Тот, однако, разделяться надвое не хотел и оставался целым еще некоторое время, чем искренне удивил Бледного, и только потом тело Валентина начало рассыпаться, причем не просто в пыль, а в звездную пыль. Множество розовых, золотистых, серебристых, голубоватых искорок ослепило Толбухину и Бледного – казалось, что поэта к себе действительно забирают небеса, которые обязательно просветлеют.

Но то, что было дальше, материна и кровир явно ожидали менее всего.

На земле вместо Валентина лежал подросток, причем, судя по всему, он явно был в целости и сохранности. Это подтвердилось, когда мальчик пришел в себя и медленно поднялся на ноги, а когда Толбухина и Бледный взглянули ему в глаза, то поняли, что перед ними стоит все тот же Валентин, только ставший намного младше.

Профессиональный убийца отмер, решив спросить:

– Валентин, это ты?

– Это – настоящий я, – голос Валентина-подростка был ожидаемо выше. – Насколько мне помнится, кровирры не трогают тех, кому меньше четырнадцати лет?

Бледный вернул антагу в ножны, после чего заявил:

– Тебя я не трону. Что с тобой делать дальше, пусть решает Кадурын. Но готовься к тому, что правду о тебе узнают все...

И «воин» стянул с правой руки перчатку, после чего щелкнул пальцами.

– Стой! – воскликнула Анфиса, но Бледный уже исчез.

– Проклятье... – выругалась девушка. Валентин на нее спокойно посмотрел, после чего сказал:

– Нам надо уходить – защитный пузырь скоро лопнет...

– Предоставь это мне, – сказала Толбухина, после чего нанесла ему пару легких ударов, от которых тот потерял сознание.

Очнулся Валентин в светлой, просторной комнате. Повернув голову влево, он увидел небольшой стол, сервированный чайным сервизом, вазочкой с фруктами и конфетницей. За столом сидела Анфиса, явно ожидавшая пробуждения поэта.

– Вроде я не перестаралась – живой, – спокойно сказала та.

Валентин медленно поднялся с кровати, потер ушибленную голову в районе затылка, после чего спросил:

– Зачем бить-то надо было?

– Во-первых, чтобы поумнел, а во-вторых, чтобы не мешал своими необдуманными действиями спасти себя, – ответила девушка. – Садись – нам есть о чем поговорить.

– Где я? – удивился Валентин, осмотревшись.

– В одной из комнат моего дома, – пояснила Толбухина.

– Сколько времени прошло?

– Менее суток. Не волнуйся – пока о вчерашнем никто ни слова не проронил.

– Вот это и подозрительно, – признался Валентин, решившись сесть за стол напротив Анфисы.

– Чай будешь?

– Давай.

Толбухина налила терпкую жидкость из пузатого светло-голубого чайничка, протянула чашку Валентину и велела:

– Давай рассказывай.

– Да нечего рассказывать... Понимаю – сглупил. Думал, что в Кадуринах есть хотя бы крупица чести, да ошибся. А посылать на дуэль кого-либо вместо себя – это далеко не по-мужски.

– Мне не дуэль интересна – хотя тот факт, что ты перешел дорогу Александру Кадурина, примечателен: Кадуринов – редкостный фрукт, – махнула рукой Анфиса. – Как ты выдержал так долго действие чар Идрáнтез?

– Откуда ты знаешь про это заклинание? – искренне удивился Валентин.

– В военном училище нам о нем рассказывали – позволяет человеку стать куда старше, чем он есть. Чревато серьезными внутренними изменениями – бывали случаи, когда неопытные новички использовали Идрáнтез менее часа, а в результате становились стариками на всю жизнь. А у тебя, судя по

всему, все в порядке – даже разделение пополам никак не повлияло...

– Я не знаю, – честно признался Брайтсон, отпивая чай. – Сказали, что у меня – непробиваемый иммунитет к подобным чарам. За два года никаких радикальных изменений не произошло...

– Но для чего тебе понадобилось применять на себе эти чары?

Валентин вздохнул, с грустью посмотрел в чашку чая и, не поднимая глаза на Анфису, начал рассказывать:

– Первые стихотворения я написал, когда мне было девять лет. Ни одно издание не захотело их печатать – ни в Ровде, ни в ближайших городах. Мне сказали, что ребенок не может написать настолько серьезные и взрослые произведения. Не убедил даже эксперимент, когда я написал стихотворение в присутствии самого главного редактора «Голоса Ровды»... Люди были непробиваемы. Я все время грустил, не знал, что мне делать... Когда мне исполнилось одиннадцать, мой учитель русского языка и литературы предложил мне выход. Мы поехали к одному могущественному Чарующему, чье имя я не могу назвать... Он и применил на мне Идрантез. Когда сработало, то учитель нанял людей, которые занялись моей новой биографией, а мне сказал, что я должен вести себя как можно загадочнее, дабы никто не узнал меня настоящего. Так родился Валентин Брайтсон, которого мгновенно опубликовали, забыв о том, что когда-то подоб-

ные стихотворения показывал маленький мальчик.

Анфиса сглотнула, внимательно посмотрела на Валентина, после чего неуверенно спросила:

– Так тебе сейчас... Всего тринадцать лет?!?

– Веришь или нет, но это так.

– Нет-нет, я верю... А что на это сказала твоя семья?

Валентин все же нашел в себе силы поднять взгляд на Анфису, и девушка, взглянув в глаза подростка, все поняла:

– Так у тебя ее нет...

– К сожалению, это – та часть биографии, которую мне не нужно было придумывать.

Некоторое время они пили чай молча. Толбухина прервала молчание, извиняющимся тоном спросив:

– Что с ней случилось?

– Мать умерла, когда я был совсем маленьким. Отец... Его не стало, когда мне было десять. Официальная версия – самоубийство: пуля в висок... Все вроде логично: его нашли в собственном кабинете, рядом с разжатой рукой – пицаль... Но мне в самоубийство верится с трудом.

– Господи... Мне очень жаль.

– А за полгода до этого погиб мой лучший друг Ник, которого я считал кем-то вроде брата. Пока его родители, скажем так, слишком уделяли время друг другу, он вылез из окна, желая поймать сачком бабочку – Ник очень любил это занятие... Не удержал равновесие. Бухнулся на землю с четвертого этажа...

– Бедолага...

– У нас был детский, но все же уговор – если одного из нас не станет, то другой возьмет себе его фамилию. Фамилия Ника была Брайтсон... А Валентином звали моего учителя. Так я и получил свое новое имя.

– А как же по-настоящему зовут Валентина Брайтсона? – поинтересовалась Анфиса.

– Аттила Янссен, – нерешительно произнес Валентин. – Странно – я думал, что почти забыл это имя.

– Благозвучно, – улыбнулась Анфиса.

Валентин-Аттила отхлебнул чай, оставил чашку в сторону, подпер голову руками, после чего произнес:

– Вот только теперь я не знаю, что мне делать. Скорее всего, надо найти такого же могущественного Чарующего, чтобы применил на мне Идрантез еще раз...

Анфиса взяла Валентина за руку:

– Тебе это не нужно.

– Почему? – удивился подросток.

– Во-первых, повторное наложение чар может привести к тем последствиям, которых ты благополучно избежал в первый раз, а во-вторых... Ты сам сказал, что продолжишь писать вне времени и тела. Может, чары и сделали тебя старше и сильнее, но на талант они вряд ли повлияли.

– Ты думаешь? – в голосе Аттилы проявилась дрожь.

– Я уверена, – и Анфиса улыбнулась. – Как бы то ни было, меня покори́л тот, кто написал множество замечательных

строк, и не важно, какое его настоящее обличье.

– Ты... Ты это серьезно?

– Сейчас ты младше меня, ну и что? Я подожду... Запомни главное – я не откажусь от тебя. Ни-ког-да...

По щекам Аттилы потекли слезы.

– Спасибо, Анфиса... – прошептал он сквозь слезы. – Господи... Не помню, когда плакал в последний раз...

– Чтобы быть взрослым, надо уметь плакать. Все нормально, Аттила.

«Клуб коротких ножей»

*Deine Größe macht mich klein,
Du darfst mein Bestrafer sein...
(Я просто жалок перед тобой.
Будь моим палачом).*

Rammstein, «Bestrafe mich».

Софья спокойно сидела за столиком кафе, находящегося на втором этаже крупного стеклянного здания, как ее покой – впрочем, как и всех других присутствующих – нарушило пение. И чье! Видимо, Акакий вновь решил произвести впечатление на Софью, причем так, чтобы это было масштаб-но, судя по силе и громкости голоса, раздающегося в каждом уголке. Неизвестно, кто или что надумило его исполнить

хит группы Culture Club «Do you really want to hurt me», но факт оставался фактом – подросток старался выводить своим не самым музыкальным голосом:

– *Give me time to realize my crime...* (Прим. – *Дай мне время осознать свою вину*)

«Давай-давай, осознай уже, что мы с тобой – не пара», – фыркнула про себя Софья, недовольная одним лишь появлением Акакия в этот прекрасный выходной.

– *Let me love and steal...* (Прим. – *Позволь мне любить и украсть [тебя]*)

«Ну нет, не надейся... Посмотри на себя! Одно имя-то чего стоит! Как же ты надоел, черт побери...».

В груди Софьи росло недовольство, но какое-то странное, ибо уже не само пение раздражало девушку, а само существование этого недоросля. И Софья была не одна такая – все представительницы прекрасного пола посматривали на поющего очкарика недобрый взглядом, и у всех в глазах читалось желание его не то чтобы ударить, но хотя бы пристукнуть.

– *I have dance inside your eyes...* (Прим. – *Я танцую в твоих глазах*).

«Нет, даже не смей танцевать, скотина! Еще чего удумал! Ты далеко не участник корейской поп-группы, чтобы танцевать!». Напряжение на этаже нарастало с каждой секундой – казалось, его впитала каждая молекула воздуха.

– *How can I be real?* (Прим. – *Как я могу быть настоя-*

щим?).

«Вот эта строчка – как раз про тебя», – и Софья вдруг поняла, что чуть не сказала это вслух, но губы упрямо шевелились. И снова она была не одна такая: «Я же говорила, что ты бесишь не только меня...».

И Акакий перешел к главным строчкам песни:

– *Do you really want to hurt me, do you really want to make me cry?* (Прим. – Ты правда хочешь ранить меня, ты правда хочешь причинить мне боль?).

Тут Софья не выдержала.

Несмотря на то, что Акакий находился в приличном расстоянии от нее, она каким-то нечеловеческим прыжком оказалась лицом к лицу с парнем и со всей силы ударила его кулаком в грудь, заорав:

– Да, я хочу бить тебя!

Акакий отлетел на пару метров и бухнулся о пол. Было больно – несмотря на то, что пальцы Софьи были украшены кольцами с крупными камнями, этот удар был похож на кастетный. Подросток с трудом встал, столкнулся с безумными глазами Софьи, после чего мгновенно понял – надо бежать. Причем не только от нее – складывалось ощущение, что парень хочет ударить каждая присутствующая здесь женщина.

Он кинулся бежать по длинному коридору в другую часть этажа, но и там ему перекрыли дорогу взбешенные дамы. Поняв, что его окружили, Акакий стал лихорадочно перебирать в голове возможные пути отступления, но одна из женщин не

дала ему этого сделать, с силой ударив сумкой по голове. Не успел парень мысленно спросить: «Эта сумка что, кирпичами набита?», как на него посыпался не просто град – метеоритный дождь ударов. Сначала били голыми руками, но когда Софья нанесла парню первое ранение женской вариацией швейцарского ножа, толпа попросту обезумела. У каждой женщины нашелся какой-либо острый предмет: у кого – пилка, у кого – маникюрные ножницы, у кого – и вовсе заточка. Дамы колошматили стоящего Акакия, с каждой минутой прибавляясь в количестве, а когда дошло до того, что к парню было не пробраться, то стали колошматить друг друга за место в очереди для удара по ненавистному «певцу». И в этой толпе не было мужчин – более того, мужчины будто самоустранились от наблюдения расправы, и никто из них не сделал даже попытки остановить безумие...

А Акакий стоял. И в своем амоке никто из женщин не обратил внимания на две заметные вещи – во-первых, не кровоточила ни одна рана, а во-вторых, кровь текла из глаз. Но было еще и невидное третье: несмотря на огромное количество ударов, сердце Акакия не просто билось – оно стучало все громче и громче, и вот причины этого парень понять не мог, если вообще к тому моменту что-либо соображал.

Впрочем, жить ему оставалось менее десяти секунд.

Три... Два... Один...

И тело подростка неожиданно для всех взорвалось.

Женщины истерично закричали, увидев, что заляпаны

кровью и ошметками плоти, костей и мозгов. Достав влажные салфетки, они стали смывать с себя останки, но этот процесс прервало странное сияние.

На полу вместо тела, изрубленного в куски, лежало целое, практически нетронутое сердце Акакия. Поражало даже не то, что сердце осталось целым, а неожиданное понимание того, что оно продолжает биться и ослеплять всех своим светом, в котором, несмотря на все трудности жизни, так и не появилось ни единой капли тьмы...

«Сын железа и земли»

Pakeliui į amžinybę palydės tavo vilkai...

(Прим. – Волки проведут тебя по пути к бесконечности...)

Obtest, «Vedlys».

Элоиза отсчитывала последние часы своей свободы, проклиная тот факт, что она как две капли воды похожа на Медэлу – полулегендарную основательницу одноименного литовско-белорусского, или, как здесь говорили, литбельского села. С Меделой было связано множество историй, которые иначе как небылицами не звались, но в последний месяц все сельчане сомневались и в этом факте – а все потому, что в село пришел один из низших демоноидов, которого звали Вельсти́нас. Этот демоноид, по своей природе больше похо-

жий на умеющего перевоплощаться черта, абсолютно никого не боялся из сельчан, но в то же время никого не трогал, за исключением Элоизы, к которой всячески пытался проявлять симпатию. Когда Элоиза отказала представителю низшего мира, в Меделе тут же начались странности – то все молоко в селе внезапно скисает за день, то говядина приобретает неприятный привкус, то ножи и топоры затупляются сразу после первого использования... Естественно, все сельчане подумали на Вельстинаса, но самым поразительным для них было то, что демоноид и не скрывал своей причастности к порче всего окружающего – более того, собрал всю Медулу на центральной площади и громко объявил:

– Я готов прекратить совершать то, что совершаю, если вы согласитесь всего на одно маленькое условие.

– И что тебя нужно, сам себя ты побери? – раздался голос в толпе.

Вельстинас нашел глазами Элоизу, указал на нее пальцем и заявил:

– Вы отдадите мне в жену Элоизу Колáсову!

– Что-о-о?!? – пронесся в толпе один и тот же вопрос.

– Да сколько можно-то! – возмутился отец Элоизы, выйдя вперед. – Что ты вообще к ней пристал? Найди себе чокнутую, которая сама готова стать демоноидом, а наших девушек не трожь!

– Неужели вы настолько наивные, что не понимаете, почему я желаю в свои жены именно Элоизу? – удивился Ве-

льстинас. – Она ведь так похожа на ту, кто была в основе вашего вполне себе милого поселения...

По толпе вновь пронесся громкий ах, вот только не все жители Меделы знали то, о чем открыто сказал черт – только староста села да еще несколько высокообразованных мужчин, ибо в историях поминалось только имя Меделы, а показывать ее портрет кому-либо из простых жителей запрещалось негласным законом.

– Видимо, вы много чего не знаете... – улыбнулся демоноид, поняв, что скоро добьется своей цели. – Но вам это и не нужно. А нужно совсем другое – если Элоиза не станет моей женой в ближайшее полнолуние, то я не беру ответственности за то, что будет с вами дальше... Угрозой для вас стану вовсе не я, а то, что вас окружает. Если повезет – отделаетесь ушибами, ссадинами, возможно, легкими травмами... Но это если повезет.

– Да я на тебя в Вильнюс или Минск напишу жалобу! – воскликнул чей-то писклявый голос в толпе. – Или в любой другой крупный город!

– И кто тебе поверит, мелочь пузатая? – фыркнул Вельстинас. – Шло одно письмо – придет совсем другое...

Толпа ахнула еще громче.

– Не создавайте себе еще больше проблем, чем у вас есть сейчас, – продолжил Вельстинас. – Что такое всего одна жизнь на фоне общего спокойствия? Я обещаю, что не причиню Элоизе вреда – более того, даю слово, что она будет

счастлива... Ну же, соглашайтесь!

– Верить демоноиду? Ты нас совсем за дураков держишь? – справедливо тогда возмутился отец Элоизы.

Однако через несколько дней стало ясно – Вельстинас настроен более чем серьезно. Внезапное обрушение лестницы возле одной из строящихся изб, повлекшее за собой серьезные переломы костей того несчастного, кто в этот момент по ней карабкался, заставила семью Элоизы сдаться...

И девушка поняла, что она обречена.

Неудивительно, что Элоиза восприняла приезд нового необычного незнакомца с нескрываемой грустью, которую усиливало понимание того, что до свадьбы осталось всего три дня. А вот Медела встала на уши: ее поразил не только рост гостя, почти на треть превышающий сажень, но и запах, который слышался от него: как высказалась младшая сестра Элоизы Саломея, «Адам – одновременно волчья шуба и каленое железо». Но девушку не впечатлили ни описанный запах, ни говорящее имя, ни рост – она бесцельно бродила мимо знакомых с детства домов, понимая, что вряд ли увидит их после церемонии бракосочетания, ибо дальнейшая жизнь с Вельстинойсом казалась ей заточением.

– Что голову повесила, дорогая? – услышала она буквально в ухо ненавистный голос, после чего сглотнула и произнесла избитое:

– Отстань от меня.

– Зря ты так, – усмехнулся Вельстинас. – Не понимаешь пока, насколько тьма привлекательна. Но это все поправимо...

– Я ненавижу, но не тебя, – вздохнула Элоиза. – Моя внешность стала для меня же наказанием.

– Похоже, мне до свадьбы это слышать еще много раз... – закатил глаза демоноид и попытался коснуться девушки, но та дернулась в сторону.

– Да чего ты боишься? – спросил Вельстинас. – Я же не косолапый медведь – не откину тебя в сторону...

– Ты бы медведей не обижал – среди них и графы бывают...

Элоиза и Вельстинас, не сговариваясь, повернули головы в сторону вмешавшегося в диалог. Девушка ахнула – судя по росту, это действительно был тот самый Адам, а вот черт-оборотень заметно напрягся. Сплюнув, демоноид презрительно спросил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.